

Андрей ПУЧКОВ

О ЧЁМ «КАТЮША»

Опыт вполне научного наблюдения

Михаилу Романовичу Селивачёву

Эти наблюдения не должны рассматриваться как циничное издевательство над советской «народной песней», «песней песней», созданной поэтом Михаилом Исаковским и композитором Матвеем Блантером до Второй мировой войны, в 1938-м, и тогда же впервые исполненной.

Предлагаю опыт прочтения, который у каждого может оказаться своим. Конечно, трудно отрешиться от музыкального ряда, знакомого каждому с детства, по-прежнему нелегко свыкнуться со сдвижкой ударения в слове «поплыли» (как и «В лесу родилась ёлочка»), но постараться прочитать стихотворение как стихотворение, написанное пятистопным хореем, все же хочется.

Итак, первый куплет:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Здесь очевиден рустический мотив: девушка выходит к реке не в городе, а в деревне, поскольку плодовые растения если и расцветают по весне в городских садах, то поутру петь в городе как-то не принято. Что речь идет о пении, следует из второго куплета:

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

О ком поёт Катюша? О том, кого любила (прошедшее время), кто писал ей такие письма, которые стоило хранить. Если «сизый орёл» это метафора, то метафора прозрачная: немолодой, с проседью или просто седой, военный (что военный — следует из дальнейшего), скитавшийся по стране куда пошлют, ночевавший «в степи», и пребывающий в чине не ниже майора. Итак, примерно

старший офицер пехоты лет сорока–пятидесяти, скорее всего, бессемейный. Роман молоденькой Катюши с седовласым — дело обыденное — был настолько ярким, нужно думать, для обоих, что один, разлучившись, даже писал письма, другая же их хранила. Глагол прошедшего времени «берегла» заставляет предположить, что уже не бережет. Между ними кошка пробежала: либо майор нашел себе другую и прекратил переписку, либо Катюша осерчала, скажем, на его долгое молчание, майорские эпистолы выкинула, а самого персонажа разлюбила.

Дальше чувственность сюжета несколько сворачивает в сторону:

Ой, ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед,
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

На первый взгляд, кажется, что военный, чьи письма некогда берегла Катюша, пограничник, который служит на западных кордонах (за солнцем — это на запад: фильм Михаила Калика «Человек идет за солнцем» был запрещён именно потому, что якобы намекал на проевропейские ориентации главного героя). Но здесь сомнение: едва ли «сизый орёл» может быть отождествлен с бойцом. «Боец» — это красноармеец или ефрейтор срочной службы. Получается, что деревенская девушка (девица?), по смыслу стихотворения избавляясь от воспоминаний о «сизом орле», встретила в деревне другого, не «сизого» и совсем не «орла», которого обычным порядком в девятнадцать лет призвали на два года в Красную армию служить на границе, и Катюша заскучала.

Если к «сизому орлу» особых требований не предъявляется (было — сплыло), к бойцу иная просьба:

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Вспомнить-то он про Катюшу, может, и вспомнит, но вот услышать, как она поёт, — едва ли. Если бы было «вспомнит, как она поёт», тогда другой разговор. Но «вспомнит» — тоже не годится: может, она при нём в песенном деле не упражнялась. Соль стихотворения в последних двух строчках этой строфы: мол, ты занимайся делом, вменным по Конституции, а я буду тебя ждать, и дождусь. В большевицкой идеологии общественное полагалось выше личного, но здесь они как раз уравновешены. Впрочем, нельзя не увидеть в последовательности Катюшинных обращений мотив: гляди, не поступи со мной так, как поступил «сизый орёл», а он поступил настолько нехорошо, что даже его письма не берегу. Здесь не приказ, но просьба, по тональности восходящая к хрес-

томатийному «плачу Ярославны» из «Слова о полку Игореве»: «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: “Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем их колчаны заткнуло”» (пер. Д. С. Лихачёва).

Последний куплет дублирует первый, однако известно, что Исаковский предлагал такую концовку:

Отцветали яблони и груши,
Уплыли туманы над рекой.
Уходила с берега Катюша,
Уносила песенку домой.

Строфа, конечно, неудачна: хотя действие и завершено, но пафос похерен. Сколько же страдающая ожиданием Катюша стояла на крутом берегу и пела, если успели отцвести и плодовые деревья, и исчезнуть туманы (что в такой паре вообще невообразимо: туманы случаются чаще вёсен)? И почему Катюша уходит домой, продолжая распевать? Можно было и дома петь, не затрудняясь выходом на берег. Получается: пришла — сначала попела про былую любовь, затем про вторую, более естественную, — ушла, продолжая петь. Во избежание упреков деревенской девушки в шизофрении, Катюша — как и в первом куплете — волей Исаковского снова выходит на берег, и так продолжается каждое утро, невзирая на то, что яблони и груши цветут только в то время года, которое как раз способствует томным душевным терзаниям.

При внимательном чтывании в «Катюшу» посещает удивление, отчего двусмысленное по содержанию произведение обрело миллионы поклонников, и — по одной из версий — во время Второй мировой прислонило название «Катюша» к бесствольной системе полевой реактивной артиллерии?

Народный слух фронтовиков добавил между предпоследним и последним куплетами ещё один, на мой взгляд, неудобочитаемый:

Пусть фриц помнит русскую «катышу»,
Пусть услышит, как она поёт:
Из врагов вытряхивает души,
А своим отвагу придаёт!

Опуская столь напрашивающиеся фрейдистские коннотации, связанные с технологией стрельбы из «катыши», можно все-таки утверждать, что название закрепилось неспроста. Народному уху казались привлекательными лексическая незамысловатость текста, его композиционная законченность (выходила — выходила), а когда Русланова со сцены затягивала «Вы-ы-ы-ходила...», слушатель млеет, не особенно задумываясь о содержании и персонажах: главным было коллективное воодушевление. Возможно, читатель/слушатель чув-

ствовал, что не все так просто, что влюблённая девушка просто не желает быть обманутой ещё раз, но это обстоятельство в отношении к песне, в орденах прошедшей войны, нынче должно выпустить из внимания. Важно, что «Катя, Катенька, Катюша! / Ты прошла через войну. / И вселяла ты в солдата / Радость встречи наяву» (А. Твардовский). Этим песня — именно песня, не стихотворение — исторически ценна.

Если в конце 1930-х песня могла восприниматься как эрзац ромansa — «специфической песни о любви, звучащей “в народе”, в массе непрофессиональных слушателей», где граница между камерным и бытовым лежит вне литературы (Мирон Петровский), — в военные (и послевоенные) годы «Катюша», ставшая фольклорным произведением, может быть отнесена по ведомству заплачек, известных у всех народов на примитивной стадии их развития.

Есть социальный запрос и социальный сбыв. Исаковский вполне удовлетворил этой паре, Блантер сделал так, что сбыв оказался привлекательней запроса. Литературная же тривиальность эстрадной попсы и тогда, и нынче не подлежит ни осмыслению, ни осуждению, ни восхищению. Возможно — осмеянию? А поскольку о любви — понимаю?

У Пушкина есть дневниковая строка, мол, Лоренс Стерн писал: живейшее из наслаждений кончается содроганием почти болезненным. — «Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б». «Катюша», которую до сих пор исполняют в дни всенародных празднеств, пожалуй, тоже может быть отнесена по разряду наслаждений. Как можно убедиться, — слуховых, но, увы, не содержательных.